

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 6 (№), 2023

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Переводы

Яльмар Бергман. Радость на Рождество

РОЙ Ксения

ПетрГУ (Петрозаводск),
konvmasha@yandex.ru

«Старушка» жила в усадьбе. Хотя дворик ее ушел с молотка, новые хозяева все же нашли для нее местечко в доме, так что «Старушка» осталась жить там и дальше. И не жалела об этом. Ей не требовалось многого, она всегда умела проводить время с пользой, даже теперь, несмотря на то, что глаза ее помутнели, а память ослабла.

Стоило только пряже попасть в руки к «Старушке», как она принималась вязать дни напролет. Расстраивало ли кого то, что она припрятала несколько мотков у себя – нет, никого. Ведь из них она вязала носочки – подарки к Рождеству для Андерса и Якоба, ее сыновей. Только вот последним пристанищем Андерса стал погост, а Якоб, моряк, ушел в плавание Бог знает когда. Так и протирал простой люд со двора дырки в ее носках в последние годы.

То, что ни от Андерса, ни от Якоба не приходило никакой весточки, даже на Рождество, и правда беспокоило «Старушку». Но Якоб ведь бороздил моря и не был себе хозяином. А Андерс, верно, ушел, позабыв о своей старухе-матери, и это ее больно огорчало, злило. Горько ей было.

– Он обрел себя там, откуда не отпускают, – утешала ее молодая хозяйка, добрая душа. На что хозяин, остряк, смеялся вслух:

– Яма с три совка – право, уважительная причина не возвращаться и для бога, и для ленсмана.

Доля правды в этом была. Но память «Старушку» сильно подводила, оттого их слова казались ей пустой болтовней, развлечением молодежи, коротающей так праздничные дни.

И так на цыпочках она прокралась за угол печки, держа спицы и пряжу.

– Не явится он – и пускай. Но если все же явится, то увидит верно, что занимало его матери мысли.

И сидела она за пряжей. И пришло Рождество, а Андерс – нет, и Якоб тоже – нет. Ей принес праздник лишь горечь и тяжесть. И таким же тяжелым оказалось следующее Рождество, и следующее за тем, одно за другим – все слились в единую горькую череду.

Но однажды в Рождество – он явился. Только оказалось, что не Андерс то был, и не Якоб.

То был незнакомец, мужчина, желавший поесть что-нибудь, может, из того, что люд наготовил на Рождество, но не знавший, как и где раздобыть ему это.

Без стука прошагал он в кухню и увидел старуху, спящую мирно в углу за печью. Незнакомец опешил. По его расчётам, весь двор должен быть в церкви в эти часы. Он попытался проскользнуть мимо нее, так тихо, чтобы не разбудить. Но тихо не удалось.

– Якоб, ты ли это? – очнулась старуха.

Замешкался незнакомец:

– Это... нет.

– Значит, то Андерс! – воскликнула она, хлопнув в ладоши. – Как я могла сомневаться... Иди ко мне, хочю вновь дотронуться до тебя, сынок. Иисусе, Иисусе, что ж не побрился ты к рождественскому утру. Не уж то ты не пойдешь на заутреню, милый?

Да, должно было ему пойти в церковь. Опрятным и чистым, как полагается, но времени у него не было. К тому же живот его скручивал голод. - А с этим-то справимся! Наговориться успеем и после, – так на столе появились окорочок, и ветчина, и брэннвин, и все-все остальное.

Незнакомец старался почти не говорить, да хватал все, до чего могли дотянуться руки. В основном – мелочи, которым цена была невелика, но тут ему приглянулся прекрасный шелковый шарф, что молодая хозяйка оставила дома, хотя полагалось ей быть в нем нарядной в церкви.

– Ешь, ешь, милый. Садись, матушка твоя угощает, – уверяла «Старушка». Позабыв и о толках, и о хозяйке с хозяином, – обо всем-всем на свете. Но про носочки – не забыла. Целых три пары она связала. И так, часто-часто моргая, говорила она:

– Не беспокоят ли ноги тебя, Андерс?

Да, еще как беспокоили! И так забрал Андерс себе все три пары, тогда как одна из них предназначалась Якобу.

– Только Господу Богу известно, когда явится этот оборванец! – ценность же не в самом подарке заключается, а в том, что знаешь ты с этих пор, кто живет в мыслях старухи твоей.

В груди у незнакомца что-то защемило.

– ...и милые мои думают, верно, что один, что второй – о матери своей.

И так достал он из рукава хозяйки шелковый шарф, протянув ей. Дотронулась «Старушка» до этой прекрасной вещицы, да оторопела и бросилась прочь, обратно прятаться в угол.

– Иисусе, Иисусе, какой дурак! Да дозволено ли старой бабе носить шелка? Какая потеха!

– Дозволено, – поклялся ей незнакомец. – Должно ей быть в шелках. – И так повязал он шарф вокруг ее плеч, и так поцеловал ее, и так отправился прочь – на заутреню.

Но когда вернулся народ из церкви, сидела «Старушка» на печи, дрожа вся, и плакала от счастья. И пропитали ее слезы насквозь хозяйки прекрасный шелковый шарф. И со стола исчез окорочок, и выпит был весь графин, и все-все остальные вкусы тоже куда-то пропали.

Какой поднялся шум!

«Старушка» ни слова не понимала, не пыталась понять. Они кричали и бранили ее, и, видно, у них была причина кричать и браниться. Молодая хозяйка никак не могла стащить свой шарф с ее плеч. Так, что хозяину самому пришлось разгибать худые, крепкие пальцы старухи.

Ничто более не имело значения. «Старушка» позабыла тут же о шарфе. Но память о том, как сын навестил ее, не ослабевала с рождества до самого дня святого Кнута.

И то была долгая пора – пора рождественской радости.